И надо же было случиться такой неприятности! Кто мог знать, что лодка у дяди Степана с такой течью. С берега, когда она стояла на песке, ничего не было заметно, но стоило Коле Самойленко немного отплыть, как холодная — после недавно схлынувшего льда почти ледяная — вода ворвалась во все сразу открывшиеся щели, и лодка стала погружаться. Хорошо, что оказалось мелко — только до подбородка, но всё равно течением унесло удилище, запасную леску, плетёный сачок, выпрошенный у того же дяди Степана, а сам Коля еле добрался до берега. В конце апреля никто на Южном Буге ещё не купался, и Коля представлял в этом смысле исключение.

Случай на реке сам по себе ничем не примечательный: мало ли ребят проваливаются на льду, и вряд ли об этом происшествии стоило говорить, если бы оно не повлекло за собой другие неприятности. Из-за этого Коля не пошёл на другой день в школу: у него поднялась температура и появился кашель. Мама, уходя на станцию, где она работала кассиром, приказала бабушке на улицу Колю не пускать и отпаивать его горячим молоком с растёртыми яичными желтками и сахаром.

Но всё это ещё полбеды, можно было как-нибудь, скрепя сердце, и молоко пить, и лежать под пуховым одеялом. Гораздо важнее другое. Из-за этой неудавшейся рыбалки, из-за кашля и температуры Коля чуть было не прозевал событие, которое не так часто бывает в их маленьком городе.

Но нет худа без добра. Под вечер, когда бабушка, заперев дверь снаружи, ушла к соседям достать ещё один литр молока, Коля решил действовать. Одел просохшие за день ботинки и не выглаженные после сушки штаны, куртку (чтобы бабушка не очень сердилась), по привычке повязал галстук и написав: "Бабушка, я немного на воздухе погуляю", — вылез через кухонное окно на улицу.

На соседней улице, тянувшейся до самого вокзала, он сразу заметил что-то необычное. Шли мальчишки из детдома, девочки из ремесленного, и все какие-то нарядные и торжественные. Коля хотел спросить знакомого паренька, куда они идут и зачем, но тот только рукой махнул: спешил.

Если бы не Вася Харченко, Коля, возможно, так бы ничего и не узнал и пришлось бы ему возвращаться домой, где бабушка, по-видимому, приготовила ещё один стакан горячего молока.

Вася торопился тоже: пиджак на нём был расстёгнут, галстук сдвинут на бок, фуражка с маленьким измятым козырьком сидела почти на левом ухе, а на лбу и на кончике постоянно лето и зиму лупившегося носа блестели капельки пота. Он нёс что-то завёрнутое в плотную синюю бумагу. Коля хотел окликнуть товарища, но тот сам уже шёл ему навстречу.

— Ты чего здесь? И почему в школе не был?

— Просто так, — Коле не хотелось всего рассказывать, — температура была и кашель. А что?

— Как что? Корейцы едут.

— Корейцы? — Коля опешил: откуда едут, куда?

Внимательно посмотрел на товарища: не шутит ли? Он ведь может с самым серьёзным видом говорить такое, что и во сне не увидишь. Но на этот раз Вася не собирался шутить. Значит, правда. Значит, едут! Но как быть ему?

В это время на улице показалась Оля Косюк.

— Мальчики, опаздываем, — крикнула Оля.

— Опоздаем!.. — испуганно повторил Вася. — Бежим!

Тогда Коля — будь что будет — решил идти тоже. Конечно, надо бы забежать домой, предупредить бабушку, но поезд ожидать его не будет. Нет, рисковать нельзя!

Пробежав несколько минут бок о бок с Васей и Олей, он перестал думать о том, что его ждёт дома, и всем своим сердцем был теперь на вокзале: лишь бы не опоздать!

Хорошо, что он догадался выйти на улицу! А ведь могло быть иначе. Только завтра в школе или сегодня вечером от мамы он узнал бы, кто был у них на вокзале. Он был бы несомненно единственным мальчишкой, который не видел корейских ребят…

Друзья мчались во весь дух то срединой улицы, то по тротуару.

— Нажимай! — крикнул Вася уже на привокзальной площади. Длинноногий, он бежал быстро, и Оля с Колей едва поспевали за ним.

Запыхавшись, они вбежали в открытые двери вокзала мимо перронного контролёра, очень снисходительного сегодня и даже доброго. Он распахнул дверь пошире, вместо того, чтобы прикрыть её перед очень спешившими ребятами, как это он обычно делал.

В зале ожидания оказался весь шестой класс. Был здесь и классный руководитель Александр Николаевич и вожатый Алёша Ветошкин.

В зале было довольно шумно. Но в этом шуме легко улавливалось что-то необычное, ожидающее. На месте не сиделось. Уже дважды Вася Харченко пытался посмотреть, не открыт ли семафор. И дважды контролёр вежливо, но настойчиво отводил его от двери. Оля Косюк втихомолку попробовала открыть окно, но подошёл Алёша Ветошкин, и она как будто успокоилась. Правда, так только казалось, ибо в

следующую минуту она спрашивала у Александра Николаевича, когда, наконец, придёт поезд.

— Должен через десять минут, — ответил учитель, взглянув на большую под стеклом доску расписания движения поездов. — В восемь ноль-ноль.

— Ой, как долго!

Время тянулось медленно. Каждая минута, как вечность. И чем ближе к восьми часам, тем медленнее.

А, между тем, в зале стало значительно тише. Не бегал уже к перронному контролёру Вася Харченко, не вертелась у справочного бюро Оля Косюк. Она стала с ребятами у окна и, откинув со лба чёлочку, не отрывала взгляда от уходящих до самого горизонта стальных линий, ставших в предвечерние часы фиолетовыми. Там, за красным "глазом" семафора, ещё ничего не видно. А когда на семафоре вспыхнет зелёный "глаз", грохочущий, запылённый и такой желанный поезд примчится к вокзалу. Может быть, она первая увидит его и первая выбежит на перрон.

В сумерки погрузились пристанционные постройки, будки стрелочников, высокие лепные потолки вокзала. Но вот зажглись электрические лампочки, и на вокзале под огромными люстрами всё осветилось мягким светом…

Поезд подошёл внезапно и, когда об этом объявили, не все сначала поверили. Перед выходом на перрон Алёша Ветошкин сказал:

— Ребята, не забудьте: спешить не нужно, и не медлите, стоянка всего пятнадцать минут.

— Ой, как мало! — вскрикнула Оля Косюк и первая устремилась к выходу. Все, кто был в зале, высыпали вслед за Олей. Выбежал и Коля Самойленко. На перроне было светло как днём. Запылённые голубые вагоны стояли прямо против вокзала, двери которого были раскрыты настежь, и оттуда шли всё новые и новые группы людей. Взгляды были устремлены к вагонам, в которых ехали маленькие граждане далёкой героической страны. Каждый хотел посмотреть их, сказать искреннее слово любви, что-нибудь подарить на память.

Коля Самойленко остановился у самых ступенек третьего вагона. Усатый проводник понимающе улыбнулся:

— Не сумлевайся, сынок, входи. Там все свои. А может, подсобить?

— Я сам… Спасибо. — Самойленко ловко вскочил на подножку. За ним вошли Вася Харченко, Оля Косюк, а потом ещё одна незнакомая женщина.

В дверях первого купе стояли три мальчика. Когда Коля и Вася подошли, они стали в сторону и пропустили гостей в купе. Старший из корейцев, высокий, очень смуглый, с острыми, чуть выдающимися скулами, взяв Колю за плечи, осторожно усадил на диван и показал место Васе.

— Садись, пожалуйста, — пригласил он почти на чистом русском языке.

— Спасибо. — Вася прижал локтем свёрток в плотной синей бумаге и, боясь быть непонятым, начал говорить медленно, отчётливо произнося каждое слово:

— Я Вася, а это Коля. Мы в школе говорили о вас. И мы знаем, что вы едете из Одессы. Вы там жили? Хорошо было?

— Хорошо, — кивнул старший из корейцев.

Самойленко тоже хотелось сказать что-то приятное корейским ребятам, и он предложил:

— А вы у нас поживите… Понимаешь?

— Понимаешь, — улыбнулись младшие, а один из них, без руки, с маленьким круглым лицом, похожий почему-то на младшего брата Самойленко Гришу, сел ближе и погладил Колю по плечу.

— Ты Коля?

— Да. А ты? — Самойленко коснулся руки корейца.

— Ли Пак Чен.

— Ли Пак Чен, — повторил Коля, чтобы запомнить, и спросил: — Останешься?

— Домой они едут. В Пхеньян, — сказал Вася задумчиво.

У старшего из мальчиков вдруг резче обозначились чёрточки на лбу. Он торопливо вскочил на невысокую лестничку и достал со второй полки небольшую, в мягкой обложке книгу и развернул её. На столик выпали две квадратные вырезки из газеты.

— Пхеньян, — сказал он, и в глазах блеснули две влажные капельки.

Вася осторожно взял фотографию. Коля придвинулся ближе. На фото ребята увидели разрушенные дома под пасмурным задымлённым небом, обгоревшие остовы деревьев, а возле них прижавшихся друг к

другу трёх мальчиков. На втором фото тоже пыли дети: они, небольшой группой, сажали деревья.

— Это мы… братья, понимаешь? — сказал старший из корейцев.

— Понимаю.

Вася некоторое время, не отрываясь, смотрел на газетные вырезки. Потом медленно отдёрнул занавеску на окне. Сам встал в сторону, вытянул руку.

— Смотрите, это наш город. А, знаете, какой он был? Нам учитель рассказывал, что после войны здесь остались только камни. А теперь, видите, какой красивый!

— И Пхеньян таким будет! — уверенно сказал Самойленко.

Корейцы сгрудились у окна и внимательно вглядывались в мерцающее море огней, в очертания огромных зданий, выстроившихся с левой стороны вокзала, в кипящую зелёную волну городского сада, залитую светом сотен электрических шаров.

Стоянка поезда кончалась.

— Это вам. — Вася развернул свёрток, в котором оказалась модель настоящего поезда, сделанная им несколько дней тому назад. На одном из вагонов красными чёткими буквами было написано "Москва — Пхеньян".

— Спасибо, Васья, — сказал старший из корейцев. Восхищённо смотрели на поезд и его братья.

— И это вам. — Вася достал из кармана пригоршню конфет. — Гостинец.

— Не надо, — застеснялся до сих пор молчавший третий мальчик. Вася погладил его по руке и сказал:

— Почему не надо? Бери, пожалуйста.

Ребята на минуту умолкли.

В соседнем купе, за гонкой перегородкой, отчётливо послышался низкий женский голос:

— Ах ты, зоренька моя… Точь в точь, как моя Галинка, и лицом, и ростом… Ну, дай я тебя поцелую, иди ко мне ближе.

А детский голос — звонкий, слегка дрожавший — повторял одно и то же слово, понятное и дорогое на всех языках мира:

— Мама!..

— Дорогая моя… Нет у тебя мамы, да не думай, девонька, сиротою не будешь. Едь, здоровая!..

Голоса умолкли. Коля, сидя рядом с Ли Пак Ченом, впервые почувствовал себя неловко. Он ничего не мог подарить. Побег из дому, встреча с Харченко — всё произошло так внезапно, что он и не подумал о подарке. Вася — молодец, захватил вот модель. А что ему делать? Что подарить на долгую память ребятам из Кореи?

А время шло. Посмотрев в окно, он заметил, что железнодорожник в красной фуражке направился к колоколу, подвешенному у входа в вокзал. Значит, сейчас поезд уйдёт дальше, и Ли Пак Чен и его братья

ничего не повезут с собой от Коли Самойленко. Рука невольно потянулась к воротнику. Пальцы коснулись галстука. Он пламенел на неспокойном сердце мальчика. Алёша Ветошкин перед всей дружиной завязал его и сказал: "Носи его и будь достойным!.." Дорог Коле галстук. Очень дорог. Но в такой миг его можно подарить. Самойленко посмотрел на Васю и тот, поняв его, кивнул: "Верно!"

Коля быстро снял галстук, так же быстро завязал его самому младшему из корейцев — Ли Пак Чену.

— От Николая Самойленко! — и добавил: — Будь достойным!

— Спасибо!.. — Ли Пак Чен стоял, не шевелясь; лицо его светилось счастливой улыбкой.

Чуть приподняв Ли Пак Чена, Самойленко обнял его. А тот, не отнимая своей единственной руки от галстука, доверчиво приник к курточке Николая. Остальные в купе стояли и молча, сосредоточенно смотрели на Самойленко и Ли Пак Чена.

В это время на перроне дважды ударили в колокол.

У самого выхода, в тамбуре, попрощались снова. Улыбался в густые желтоватые усы проводник. Медленно сходила на перрон незнакомая женщина. Спрыгнула со ступенек Оля Косюк. Сошёл и Коля.

В толпе он вдруг заметил мать. Она была в своей железнодорожной форме — стройная, серьёзная. Невольно подумал: теперь ему попадёт. И хотя мать, кажется, не хмурилась, он, протиснувшись вперёд, сказал:

— Я, мам, виноват… Но я не мог, мам, иначе. Раз в жизни, понимаешь?

— Ты о чём, сынок?

— Ушёл я… — И, подумав, добавил: — Мама, я галстук отдал. На память.

Мать ничего не сказала, но по тому, как она провела рукой по его голове, Коля понял: мать не сердится.

Резко свистнул главный. Поезд медленно начал отходить.

— Коля, до свидания!.. — высунувшись из окна, кричал Ли Пак Чен. На его сорочке в ярком электрическом свете алел Колин галстук.

— Знакомый? — спросила мать.

— Друг, мам, — и, подпрыгнув, Самойленко крикнул: — До свидания. Ли Пак Чен!..

— Добрый путь! — сказала мать и подняла руку. — Добрый путь, дети!

А на перроне над толпой звенело в разных тонах то громко, то тише:

— Будь здоров, Ли!

— До свидания!

— Счастливо!

Не отставая от третьего вагона, некоторое время бежали Оля и Вася, пока поезд не скрылся за станционными строениями и не стало видно последнего вагона с красным глазком сзади.

— До свидания! — звенели в ответ окна голубых вагонов.

Поезд шёл дальше, на восток, всё ближе и ближе к безбрежному Тихому океану.